

МАША ТРАУБ

ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА

Маша Трауб

Падшая жанщина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6508766
Трауб М. Падшая жанщина : Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-68616-2

Аннотация

В каждой семье хранится пресловутый «скелет в шкафу». В прошлом каждого человека есть моменты, которые хочется вычеркнуть из жизни. Эта история о том, что чужие воспоминания и жизнь пусть даже близкого человека – территория, куда не стоит вторгаться.

Маша Трауб

Маша Трауб

Падшая женщина

Кладбище было старым и не таким большим, как представляла себе Вика. Почти сразу за забором начиналась если не чаща, то непролазный бурьян. Едва видимые вытоптанные тропинки вели куда-то вглубь и вправо. Она пошла по одной и уперлась в старые могилы, заросшие настолько, что не продрасться. Пришлось вернуться назад и пойти по другой тропинке. И опять тупик – кусты, деревья, вьюны, сплетавшиеся выше головы.

Было нестерпимо жарко. Очень хотелось пить и побыстрее уйти отсюда. Но страх не возникал. Может, потому, что на кладбище не оказалось ни одного креста и ни одного памятника – никаких изваяний, фигур и выглядывающих из камней ликов – только мусульманские стелы, обращенные на восток, и строгие мраморные плиты.

Сначала она читала надписи и рассматривала лица, изображенные на плитах, но очень скоро ей стало казаться, что похороненные здесь люди – друг другу родственники, а надписи с фамилиями и годами жизни начали скользить перед глазами бегущей строкой. Ей уже физически было плохо: в воздухе не хватало кислорода, и она не могла глубоко вздохнуть – тут же заходила аллергическим кашлем. Тело чесалось то ли от укусов невидимой мошки, то ли от нервной ал-

лергии.

Вика больно зацепилась рукой за неизвестное ей растение с острыми шипами и порвала кофту. Ноги в сандалиях были расцарапаны и начали зудеть. К тому же она влезла в крапиву и видела, как открытые участки тела немедленно начинали покрываться алыми волдырями. Вика остановилась, чтобы отдышаться и успокоиться. Значит, около забора – совсем старые участки, заросшие. Там самая сухая земля, деревья с прочными изогнутыми стволами, пышущие цветом кустарники, которые закрывали камни как ковром. Левее – могилы начала прошлого века, судя по датам. Продраться можно, отбрасывая ветки, раздирая руками заросли. Значит, нужно брать правее. Вика сделала шаг и чуть не наступила на ящерицу. Здесь их было немало. Огромных, зеленых, равнодушных и юрких – Вике казалось, что она идет по живой земле, пребывающей в постоянном движении, в беготне. Ящерики, недовольные присутствием незваного гостя, зашедшего на их законную территорию, в последний момент выскакивали из-под ног и убегали в поисках покоя. Вниз она старалась не смотреть. Наверняка здесь водились и змеи.

Однажды в детстве она поймала ящерицу. Та оставила хвост и убежала. Вика с ужасом держала в ладони крошечный отросток. Ей было жалко и себя, и ящерицу. А еще ей было очень страшно – до дрожи, до обморока. Оторвать у живого существа кусок тела и держать его в руках. Она ведь совсем не хотела этого делать. Получилось случайно. Ящер-

ка – красивая, переливчатая – сама вдруг отбросила хвост и выскользнула из руки. Вика с тех пор боялась и ящериц, и змей, и лягушек.

Она почесала ногу и пошла дальше. Оглянувшись, едва не наткнулась на торчащую ветку с ошестинившимися отростками. Еще чуть-чуть, и Вика осталась бы без глаза. Она свернула еще раз и опять стала вглядываться в надписи. Нужно было найти могилу. Ради этого она приехала.

Кладбищ она не боялась. Ей достаточно часто, в последнее время все чаще, приходилось сопровождать бабулю на похороны или панихиды. И Вика, поддерживая бабулю под локоть, не испытывала ни страха, ни отчаяния. Скорее, она была похожа на местных служащих, которые привычно приходили на рабочее место, переодевались и деловито принимались за дело – облагораживали место захоронения, высаживали цветы, принимали заказы на благоустройство, обсуждали шрифт на могильной плите. Вика прекрасно ориентировалась на кладбищах, знала, где туалет, где цветы, где мусорный контейнер.

Особенно ей нравилось кладбище, ближайшее к ним, где были похоронены подруги бабули. Здесь же упокоился и отец Вики. Она приезжала сюда два раза в год – заказывала помывку, полив цветов на лето. Быстро проходила к могиле отца, отмечала выполненную работу, ставила цветы в горшке, чтобы не вяли на камне и не создавали ощущение заброшен-

ности, и уезжала. Полчаса. Сорок минут – максимум.

Место захоронения на этом кладбище стоило чуть ли не столько же, сколько городская квартира. Здесь можно было обрести покой или за деньги, или за большие заслуги. А еще лучше, если оба критерия совпадали. Здесь было комфортно и покойникам, и родственникам. К услугам последних был цветочный магазин, который предлагал только изысканные растения. На Пасху на полках появлялись игрушечные зайцы с яркими корзинками. На Восьмое марта неожиданно выставлялась кадка с гвоздиками, которые обычно были не в ходу – слишком простенько. Но именно в марте на гвоздики был спрос.

Вежливая, участливая и тактичная продавщица подолгу обсуждала с клиентами, как будут сочетаться желтые бархатцы с папоротником, который в последние два года неожиданно вошел в моду. Или лучше взять вереск? Да, вереск тоже очень хорошо, только сохнет быстро. Климат не подходит. Но можно попробовать. И, конечно же, восковые цветы и букеты, которые тоже предлагал магазин, отдавая дань традициям, не были похожи на те, что продавали бабушки на ближайшей автобусной остановке по цене в три раза ниже. Искусственные цветы были изготовлены в Италии, доставлены и с помощью дизайнера выставлены в витрине.

Это кладбище встречало безутешных родственников не только цветочным магазином, но и огромной парковкой с воротами изысканной ковки. И охранник заботливо приоткры-

вал калитку, чтобы верящие в приметы женщины, одевавшиеся для визитов на могилу в достойное серое, позволяя себе также скромный беж или глубокий малахит, не входили в распахнутые настежь ворота – плохая примета. Только через калитку.

Весной, на первые майские праздники, и поздней осенью, в ноябре, Вика сидела в удобном кресле в комфортабельном офисе по благоустройству захоронений. В компьютер давно были занесены все данные о том, какие она предпочитает цветы, к какому дню нужно помыть могилу и какого цвета гранит подсыпать. Оставалось только расписаться в документе, и можно было еще полгода не вспоминать о могиле – все будет сделано вовремя и на совесть. И могила будет ухоженной, ни одной лишней травинки не пробьется через гранитную крошку, цветы будут политы, надпись – сверкать на солнце. А если погода выдастся пасмурная, так ничего страшного – на кладбище прекрасное современное освещение. И надпись все равно будет сверкать, как под софитами.

И могилы и памятники – в полный рост, с ангелами, будут радовать взгляд чужих респектабельных родственников, которые не сядут поминать покойных прямо здесь, на погосте. Не будут проливать слез, обойдутся без крикливых всхлипов и причитаний, а чинно постоят минут пять и уйдут. И новые туфли не покроются грязью, каблук не застрянет в асфальтовой выбоине, а засохший букет роз с могилы будет выброшен предупредительными работниками, чтобы не портить общей

картины.

Эти поездки на кладбище были для Вики обязанностью, пусть не очень сложной, не слишком неприятной, скорее обычной, как включение бойлера каждым летом, когда отключали горячее водоснабжение. Повернуть два черных крана и перекрыть красный. Каждый год Вика забывала про красный кран и вызывала сантехника, который за сто рублей долго и подробно объяснял ей про включение и выключение бойлера. То же самое было с могилой – Вика забывала, сколько бархатцев просила посадить в прошлом году. То ли восемь, то ли двенадцать. Но хорошо, что в компьютере все было отмечено и сохранено. И вежливая женщина говорила ей: «Не волнуйтесь, все сделаем, как в прошлом году». Вика, говоря откровенно, и не волновалась. Восемь кустов бархатцев, десять – ей было все равно. Мама на могиле отца не появлялась. А бабуля, которую Вика привозила сюда «по случаю» – отпевание бывшего коллеги, например, – и вовсе не горела желанием идти на могилу к зятю. Так что Вика заказывала бархатцы для себя, для собственной совести. Малая уступка, ничтожная жертва, чтобы чувствовать себя спокойно.

Здесь все были эгоистами – и родственники, и, казалось, даже покойники. Главное, сохранить видимость респектабельности. И покойные могли быть спокойны – даже если родственники забудут дорогу, работники кладбища не позволят могиле остаться неприбранной или запущенной. Так

что цена за захоронение себя вполне оправдывала – даже скрягам не приходилось переворачиваться в собственных гробах от возмущения.

А вот зачем Вика поехала на могилу к деду, в далекий поселок, туда, где никогда не бывала и о котором мало что знала, – она не могла объяснить даже себе. Ей вдруг все стало противно. Она сама себе стала противна. Ничего не чувствовала, ничего не хотела. Устала от вечно недовольной и озабоченной матери, устала от бабули, которая требовала и одновременно, буквально в одном предложении, умудрялась отвергнуть всякую заботу о себе. Вика металась между матерью и любимой бабулей, которые дольше пяти минут не могли разговаривать друг с другом без того, чтобы не поссориться, и ей приходилось работать буфером, водоразделом, плотиной, которая удерживала их любовь-ненависть. Она гасила, сглаживала их острую необходимость в общении, граничащую с ненавистью и нежеланием видеть и слышать друг друга.

Вика хотела вырваться из замкнутого круга. И вернуть себя назад. В то время, когда она все чувствовала, когда дышала, когда страдала и умирала. Ей было все равно, куда и как исчезнуть. Но даже здесь она оставалась эгоисткой. Ей нужно было уехать далеко и под предлогом, который бы удовлетворил всех. Иначе и мама, и бабуля свели бы ее с ума. Она не могла прыгнуть с парашютом, сплавиться по реке на байдарке, нырнуть под воду на опасную глубину. Она ничего не

могла. Мама, слыша про такие планы дочери, закипала и говорила, что она ведет себя безответственно. Бабуля же сразу начинала жаловаться на сердце. Вика была привязана к ним канатами, потому что без нее они бы не смогли общаться. Не смогли бы обмениваться колкостями и взаимными претензиями. Да и жить без нее не смогли бы.

Поездка на могилу деда всплыла спонтанно. Чем дольше Вика об этом думала, тем больше эта идея казалась ей увлекательной. Как некий экстрим, вытаскивающий, пусть ненадолго, все эмоции, вплескивающий в кровь дозу адреналина. Вика могла уехать на другой конец страны, и ни мама, ни бабуля не могли ей этого запретить.

– Бабуль, я хочу на могилу к деду съездить, – сообщила Вика, когда уже заказала билеты и забронировала гостиницу.

– У тебя что-то случилось? – Бабуля, как всегда, читала между строк и чувствовала больше, чем было нужно даже Вике.

– Нет, все в порядке. Я же там никогда не была.

– Викуля, это будет бессмысленная поездка, – сказала бабуля, – чего бы ты ни хотела от нее получить.

– Бабуль, ты не едешь на могилу к дедушке. Мама не ездит на могилу к папе. Я устала от вас обеих. Я хочу просто съездить.

– Нашла куда, – хмыкнула бабуля. – Если тебя интересует мое мнение, то я – против.

– Мама тоже против, – устало ответила Вика. – В кои-то

веки вы сошлись во мнении.

Она улетела, поселилась в гостинице в городе и приехала в поселок, который находился в часе езды, на это кладбище. Дома у бабули она нашла одну-единственную фотографию могилы, которая, по всей видимости, была сделана в день похорон. Вика взяла ее с собой.

Могилы тесно лепились друг к другу – между ними оставался зазор шириной буквально в одну ступню. Спустя минут сорок поисков Вика уже не вглядывалась ни в надписи, ни в даты на плитах. Она убеждала себя, что сделала все возможное – ходила, искала и не нашла. Так бывает. Ведь бывает? Да, она облазила все кладбище, побывала там, куда физически могла пролезть. По некоторым тропинкам она проходила несколько раз, заблудившись и свернув назад. Но могилы дедушки не нашла. И фотография ей не помогла. Наверное, захоронение было совсем скрыто под травой, крапивой и деревьями – ведь прошло очень много лет. А возможно, могилы здесь и не было – убрали старое захоронение, заброшенное, никому не нужное, и на его месте устроили новое. Так ведь тоже бывает.

Здесь не было ни зрителя, ни базы данных. Не было офиса по благоустройству. Даже ворот как таковых не было – обычная деревянная калитка с железным обручем, переброшенным через забор. Снял обруч и зашел.

Вика решила, что пора возвращаться. Хватит. Без толку.

Все равно что искать иголку в стоге сена. В конце концов, и кладбище могло оказаться не тем – бабуля ведь назвала только поселок, а рядом с ним, по дороге, было еще одно кладбище – Вика видела из окна машины.

Она еще раз свернула с тропинки и пошла назад. И вдруг увидела даты – семидесятые, восьмидесятые годы. Одна могила, рядом вторая и еще одна. Получается, она ходила по кругу, хотя ей казалось, что она обошла все кладбище. Значит, здесь нужно искать. Вика прошла дальше, но дорога резко оборвалась – очередной тупик, непролазные заросли бурьяна. Все, она больше не может. Это бессмысленно. Можно еще два часа все так же ходить по кругу. Все-таки странное кладбище.

Она стояла и думала – возвращаться опять на тропинку или прорываться через растения. Решила пройти. Руки были уже все в царапинах. Она рванула какой-то куст и оказалась в крапиве. Молодой, ярко-зеленой, с крепкими высокими стеблями, больше похожей на деревца, чем на куст. Успела подумать, что молодая крапива жечь не будет, как тут же кожу начало саднить. Вика была в футболке с короткими рукавами, но ей казалось, что чешется все – живот, спина, плечи.

Она закрыла глаза и сделала еще два шага вперед. Земля на кладбище не была ровной. Некоторые могилы стояли как будто в низине, иные скопились на пригорке, несколько могил стояли на холмике, как на возвышении. Тут же, среди

зарослей крапивы, вдруг обнаружилась полянка, на которой росли ромашки. Трава была низкой, а цветы разрослись кустами.

И здесь же, на полянке, стоял водитель, который привез Вику сюда, на кладбище. Она не расслышала, как его зовут, а переспросить было неловко. Он курил и, казалось, совершенно никуда не спешил. Стоял, смотрел вокруг и казался таким же естественным, как поляна с ромашками на кладбище.

Вика кивнула ему и пошла направо.

– Там я смотрел, – спокойно сказал мужчина.

– Надо возвращаться. Не найдем. – Вика уже внутренне сдалась.

Водитель не ответил и никак не отреагировал, продолжая курить. У него не изменилось выражение лица, он даже не посмотрел в ее сторону.

Эта его особенность – вот так застывать, глядя куда-то вперед, за линию горизонта, заморозила ее еще в городе. Наверное, поэтому она и наняла именно этого водителя, который спокойно стоял около гостиницы и, казалось, никого не ждал. И время вокруг него тоже замерло и остановилось. И он мог бы простоять так еще час или два, и ничего бы не изменилось – минуты тянулись, оставаясь незаметными для этого человека. Он не спрашивал, нужна ли ей машина, куда ехать, он вообще не обратил на нее никакого внимания. И когда Вика, отвергнув двух суетливых, улыбчивых, пригла-

шающих, обещающих водителей, выбрала его, он несколько не удивился.

– Мне далеко, на кладбище, – сказала Вика.

Мужчина кивнул.

– А сколько будет стоить? – спросила Вика.

Он не ответил. Просто сел за руль и завел машину.

Она покорно села, и они поехали. Неспешно, даже медленно. Вика, сидя на заднем сиденье, начала нервничать – так они и за два часа не доедут, хотя, как сказала ей бабуля, дорога займет не больше часа. Водитель никого не обгонял, никуда не спешил. Уже на окраине города он не выехал на шоссе, куда шел основной поток машин, а свернул направо и назад.

– А куда мы едем? – обеспокоенно спросила Вика.

Водитель не ответил. Просто кивнул. Мол, все в порядке.

И вместо того, чтобы занервничать еще больше, начать задавать вопросы, переживать, она расслабилась и прикрыла глаза. Пусть везет, куда везет. И будет так, как должно быть.

Они долго виляли по узким улочками, сворачивая то направо, то налево, то взбираясь на горку, то резко спускаясь вниз. Объезжали ухабины, тормозили перед детьми, которые играли в мяч прямо на дороге, и наконец остановились перед домом. Так же, без объяснений, мужчина заглушил мотор и зашел в ворота. Вику он не пригласил пойти с ним. Она немного посидела, не зная, что и думать, и решила выйти – подышать. Под машину закатился детский мяч. Маленький

мальчик прошмыгнул мимо Вики и достал игрушку.

– А кто здесь живет, ты не знаешь? – спросила она, покаявая на ворота.

Мальчик не ответил и убежал.

Вика решила сделать так, как делал мужчина, – подождать. Просто подождать. И не смотреть на часы. Не волноваться. Не спешить. И только она закрыла глаза, собираясь расслабиться, как из ворот вышел мужчина в сопровождении женщины. Он опять молча сел за руль, женщина кивнула Вике и быстро села на переднее сиденье. Вике ничего не оставалось, как сесть назад.

– Здравствуйте, – обратилась она к женщине.

– Здравствуйте, – ответила та и замолчала.

Вика не знала, что спросить еще, женщина, по всей видимости жена водителя, оказалась такой же немногословной, как и ее муж.

Они опять поехали по узким улочкам, опять едва не наехали на мяч и кинувшегося под колеса мальчика – впрочем, ни мальчик, ни водитель и бровью не повели, как будто и не было никакой опасности, – и наконец выехали на шоссе. Мужчина по-прежнему ехал медленно, позволяя обогнать себя всем желающим. Но быстрее, чем ожидала Вика, они свернули с шоссе и въехали в поселок. Жена водителя тихо показывала дорогу – направо, налево, прямо. Видимо, он и взял ее, потому что она знала эту местность.

Вика уже полчаса, как мучилась. От местной воды ей

нестерпимо хотелось в туалет. И пить. А еще лучше – кофе. Но она стеснялась мужчины-водителя и наконец решила обратиться к его жене.

– Простите, – она наклонилась к ней как можно ближе, – нельзя ли сначала остановиться в каком-нибудь кафе? Вон, смотрите, вывеска!

И действительно – Вика вдруг увидела надпись «Кафе» на доме, похожем скорее на сарай с окнами.

– Это не кафе, – ответила женщина и обратилась к мужу: – Направо поверни, вон на ту дорогу.

Оказалось, что они приехали на вокзал. Когда-то это была железнодорожная станция – судя по чудом сохранившейся надписи на здании и видневшимся вдалеке железнодорожным путям. Но на дверях висел огромный замок, ставни на окнах были плотно закрыты, а само оно не подавало признаков жизни. И, видимо, давно. Рядом со станцией расположился стихийный рынок. Несколько женщин сидели под зонтиками и продавали искусственные цветы, детские мячи, аккуратные связки с дровами, воду, шерстяные носки... Жена водителя и Вика вышли из машины. Вика подошла к первой женщине.

– А маленькой бутылки воды у вас нет? – спросила она.

Женщина не ответила, но удивилась. Она показала рукой на полторалитровые бутылки.

– Нет, спасибо, мне столько не надо, – сказала Вика.

– Туда иди, – показала рукой жена водителя. Чуть дальше

от станции стоял деревянный туалет – покосившаяся дверь хлопала от ветра. Вика пошла по тропинке, мимо петухов и кур, которые разгуливали здесь же. Дверь не закрывалась. Пахло так, что становилось дурно. Нужно было обладать хорошей физической формой, чтобы не упасть в выгребную яму. Но выбора не было.

Вика вышла, вытираясь влажными салфетками. Она терла руки до локтей и все равно ощущала на себе запах нечистот.

Неужели когда-то на этой заброшенной станции останавливались поезда, сюда приезжали люди, ждали, встречали, прощались. Когда-то здесь работал магазин, а на площади перед главным зданием стояли машины и автобусы. Вдоль перрона были высажены голубые аккуратные елочки, от которых не осталось даже пеньков – лишь квадрат земли, выложенный по периметру камнями, как оградой. Вика слышала и читала о заброшенных деревнях, поселках, но никогда не видела, как это бывает на самом деле. Сейчас она смотрела на здание, выстроенное в причудливом, некогда прогрессивном стиле – с башенками, стеной, напоминавшей кремлевскую, – и удивлялась тому, что дома тоже могут умирать. Осыпаться краской – это здание в свои лучшие годы сверкало лазурью, – прогнивать и казаться холодными и промозглыми даже в жару.

Вика вернулась к машине.

Они ехали еще минут пять и наконец оказались на кладбище.

Вика думала, что и водитель, и его жена будут ждать ее в машине. Но они пошли за ней следом. Жена водителя свернула направо, Вика налево, а водитель пошел прямо. Через некоторое время Вика потеряла их из виду.

Она стояла на полянке и не знала, что делать дальше. Не чувствовала ничего, кроме досады, и уже обдумывала, как будет оправдываться перед бабулей – не смогла найти могилу. Облазила все кладбище, и безрезультатно.

– Позвони, – сказал вдруг водитель, не поворачивая головы и по-прежнему внимательно разглядывая горизонт.

Вика даже не сразу поняла, что это он ей говорит.

– У меня телефон не ловит, – ответила она, доставая последнюю модель модного телефона, совершенно бесполезного здесь. Едва они выехали из города, связь оборвалась.

– С моего позвони. – Он дал ей свой мобильный. Такой модели она никогда не видела, как никогда не видела уличного туалета с выгребной ямой. Удивительно, но телефон работал, и прекрасно. Вика набрала номер и слушала гудки так, как будто произошло чудо.

– Бабуль, это я, да, на кладбище, не могу найти могилу. Ты не помнишь, где она? – Вика говорила не так, как обычно разговаривала с бабулей. Она не хотела, чтобы та волновалась, но не могла скрыть усталости и некоторого раздражения от самой себя из-за того, что ее затея оказалась провальной. Ее раздражал даже водитель, такой спокойный и равнодушный. Да еще и молчаливый! И куда, интересно, пропала

его жена? Все-таки, как женщина, она могла бы хотя бы пообщаться Викой.

– Там есть дом?! – закричала в трубку бабуля. Она всегда кричала, когда разговаривала по телефону, хотя слышала прекрасно, но была убеждена, что по телефону нужно непременно кричать.

– Да, есть, – Вика увидела маленький домик, который тоже был заброшенным и давно нежилым, как и здание вокзала.

– Слева от дома. Налево. Одно окно дома прямо на могилу смотрит. Там есть окно? Почему ты не можешь найти? – бабуля все-таки начала нервничать. – Ты там одна?

– Нет, мне помогают, я тебе перезвоню. – Вика дала отбой и отдала телефон водителю. – Бабуля сказала, что слева от здания.

– Я слышал, – ответил он. – Там нет, я все посмотрел.

– Не знаю, что делать. Надо возвращаться, наверное, – сказала Вика. – Бабуля не хотела, чтобы я сюда приезжала. И сама не ездила. Как похоронила дедушку, так больше не приезжала. Не могла или не хотела. А я вот тоже опоздала. Наверное, могилы уже давно нет.

Слова, что бабуля не хотела приезжать на кладбище, Вика произнесла невольно, сами с языка слетели. Но вдруг она ясно осознала, что бабуля и вправду все эти годы, прошедшие после смерти деда, не хотела, именно не хотела сюда возвращаться. Да, говорила, что не может, не выдержит, умрет по

дороге, но на самом деле не хотела. Вдруг это стало так очевидно, что Вика удивилась, как не додумалась до этого раньше. Бабуля так неразрывно была связана с дедом, со своим единственным мужем, и при этом так мало о нем рассказывала, что Вике и в голову не приходило, что она хранила какие-то тайны и у нее могли быть веские причины, чтобы не вспоминать о покойном супруге.

У мужчины зазвонил телефон. Он слушал и отвечал коротко «да», «нет», «хорошо».

Поговорив, аккуратно убрал телефон в карман.

– Это звонила бабуля? – спросила Вика, заранее зная ответ.

– Да, – кивнул водитель.

– И что она сказала?

– Чтобы я о вас позаботился. И отвез домой. У нее красивый голос.

– Да, это все говорят, – улыбнулась Вика.

У бабули даже в старости сохранился грудной, чуть хрипловатый низкий голос. Совсем молодой. Вика еще в детстве любила слушать, как она читает ей сказки. И слушала не ради того, чтобы узнать про дракона или принцессу, а ради бабулиного голоса. Она могла слушать что угодно, лишь бы читала бабуля. Впрочем, судя по фотографиям, бабушка в молодости была писаной красавицей. Вика даже ей завидовала и удивлялась – почему ей не передались бабулины брови, высокие скулы, густые волосы, длинные ноги. Вика была в

отца – низкорослая, коренастая, ширококостная. Впрочем, по-своему милая и даже очаровательная, но все же ей было далеко до бабулиной красоты. Да и Викина мама была не так уж хороша собой. Как будто все отпущенные природой прелести достались именно бабуле, враз растратив выданную на несколько поколений красоту.

Водитель смотрел куда-то вдаль. Вика проследила за его взглядом, пытаясь разглядеть на горизонте то удивительное, что так привлекало его внимание.

– Поедем назад? – спросила она, не разглядев ничего особенного.

– Не надо спешить. Нужно подождать, – ответил водитель.

Вика непроизвольно состроила гримасу – чего ждать, чего, зачем?

И вдруг она услышала голоса. Совсем рядом. Жена водителя с кем-то разговаривала, с женщиной. Судя по всему, они стояли совсем рядом, за кустарником. Но добраться до них было невозможно – Вика побежала назад по тропинке, надеясь, что голоса не смолкнут. Она свернула левее и вдруг оказалась на участке, который до этого не видела, – чистенький, новый участок, состоящий из десятка ухоженных могил. Здесь были протоптаны аккуратные тропинки, не было сорняков, а ограды сияли свежей краской. Около одной из могил стояли девочка и мальчик. Девочке было лет десять, а мальчику на вид – лет шесть. Девочка вытирала тряпочкой

скромную плиту, а мальчик носил воду из колонки. Дети посмотрели на Вику с интересом, но от работы не отвлеклись. Вика стояла и смотрела, как девочка аккуратно и ловко выжимает тряпку, и удивлялась ее спокойствию, размеренности движений.

К девочке подошла пожилая женщина и указала, где еще нужно протереть. Жена водителя помахала Вике рукой.

Бабуля была против присутствия детей на кладбище. Она была убеждена, что детям там не место. И никому не место, говоря откровенно. Бабуля терпеть не могла похороны, на которые ее звали с завидной регулярностью. Она всегда по этому поводу шутила, считая, что в свои годы имеет полное право шутить на тему смерти.

– Опять получила приглашение, – сообщала она Вике, – вынуждена отказать. На свадьбу бы пошла, но никто не зовет. Никто не женится, все только умирают.

– А кто умер?

– Лена. Соседка с третьего этажа.

– Так вы же с ней дружили столько лет. Не пойдешь?

– Не пойду. Она знала, что я не пойду. Я ее поставила в известность еще при жизни. Так что она на меня «не рассчитывает», – улыбнулась бабуля. – Не нужно все это ни ей, ни мне. Я ее и так помнить буду.

Когда умер дедушка, бабуля уехала его хоронить одна. Даже дочь, Викину мать, не взяла. Впрочем, та и не особо рвалась. У матери Вики отношения с родителями были напря-

женными – они общались на расстоянии, жить вместе никогда не могли. Зато Вика обожала бабулю, которая была ей и лучшей подругой, и главным советчиком. Бабуля была для Вики ближе матери. Даже сейчас, когда Вика выросла, с бабулей она разговаривала и виделась чаще, чем с мамой.

О том, что дедушка умер, Вика узнала спустя года два после его смерти и долго не могла понять, почему бабуля скрывает это от нее.

– А зачем тебе было знать? Что бы это изменило? – удивилась бабуля, когда Вика заявила, что должна знать правду.

– Но ведь он был моим дедушкой! – Вика чувствовала себя обманутой.

– И что? Он умер. Ты его хоть помнишь?

– Помню! Очень хорошо помню!

И вот здесь Вика бабулю обманула. Да и себя, наверное, тоже. Ей только казалось, что она хорошо помнила дедушку. На самом деле она помнила его по рассказам бабули. С ее слов, дедушка брал маленькую Вику на рыбалку, водил в лес собирать грибы, подарил трехколесный велосипед и большую куклу. В Викиной памяти остались велосипед и кукла, грибы в лукошке, но дедушки в воспоминаниях не было – ни его лица, ни фигуры, ни слов. Впрочем, для Вики главным человеком оставалась бабуля. Даже мама была вынужденной заменой бабули, а не наоборот. Бабуля заменила Вике всех родственников, вместе взятых, включая скоропостижно скончавшегося отца.

– Она знает, где могила, – сказала Вике жена водителя.

– Здравствуйте. – Вика поздоровалась с той самой пожилой женщиной, которая с внуками убирала могилу. По виду она была ровесницей бабули.

– Здравствуйте, – ответила женщина вполне приветливо, – вы какую могилу ищете?

– Королева Петра Борисовича.

– Да, есть здесь такой. А вы ему кто? – Женщина поставила ведро с водой, потом снова подняла его и схватила тряпку.

– Внука.

– Внука? – Женщина опять поставила ведро и прижала тряпку к груди.

– Да. Только я могилу дедушки не могу найти. Бабуле я только что звонила, она сказала, что от здания налево нужно идти. Но там нет. Мы здесь уже давно ходим. Уже уезжать собрались.

– Вот здесь есть проход, сюда, направо. Пойдемте со мной, покажу. Только у меня память плохая, старая я уже. Может, и не вспомню, где точно. Тут много могил. Я на кладбище часто прихожу, вот и знаю все. Почти все.

Женщина уверенно свернула на дорожку и повернула направо.

– Вот, кажется, здесь. Но точно не помню, – сказала она и показала на несколько надгробий.

Вика сразу же увидела могилу деда. Не так уж сильно она

была заброшена, и плита даже сквозь деревья и вьюн была видна прекрасно. Женщина не отходила, а стояла рядом, как будто охраняя могилу от чужих.

– А бабушка ваша тоже приехала? – спросила наконец женщина.

– Бабуля? Нет. Ей тяжело ездить, – ответила Вика. – Я и за нее, и за себя приехала. А вы их знали? Моих дедушку и бабушку?

– У нас тут все друг друга знают, – смутилась женщина и суетливо начала собирать тряпки, тяпку, ведра. – Ну, мне пора. Выход найдете сами.

– Подождите! А к кому можно обратиться? Понимаете, я про деда почти совсем ничего не знаю. Может, кто-нибудь еще помнит, какой он был? Вы не знаете? Может, с кем он общался. Подскажите.

– А бабушка ваша ничего не рассказывала?

– Рассказывала. Но мне хочется узнать от людей, кто его помнит. Кто-нибудь еще жив?

– Жив, – ухмыльнулась женщина. – Захаров, Дмитрий Иванович. Жив, здоров. Работал вместе с Петром Борисовичем. Они и в школе вместе учились. За одной партой сидели.

– А где его найти? Где он живет?

– Недалеко тут – как выйдете с кладбища, до первого поворота и направо. Второй дом. Только вряд ли он вас примет. Тоже уже старый стал. И память плохая. Лучше его не беспокоить. Вы уезжайте. У нас тут не очень любят про по-

койных вспоминать. Ведь или хорошо, или ничего, правильно? И мне давно пора.

– А дед какой был? – спросила Вика уже вдогонку женщине. – Вы его знали, видели?

– Знала. Видела, – ответила женщина. Она явно подбирала слова и отводила взгляд. – Боевой был Петр Борисович. Работник хороший. Но больше ничего не помню. Уж извините. Пойдем мы. Уже жарко, сажать ничего нельзя сейчас, сторит все. – Женщина заспешила назад, к внукам.

– Спасибо огромное, – поблагодарила ее Вика, хотя и была расстроена. Женщина явно знала больше, чем говорила. И память у нее была отличная. Только не захотела рассказывать.

Женщина окликнула внуков и вышла через другие ворота. Оказалось, что на кладбище можно зайти с другой стороны, с черного хода, если таковой вообще можно представить на кладбище, – неплотно задвинутые ворота, буквально в ширину человеческого тела. И сразу же – вытоптанная тропинка, ведущая к недавним захоронениям. А тем, центральным входом, через который вошла Вика, давно никто не пользовался. Бабуля Вике про этот, ближний вход ничего не рассказывала. Да и направление указала неверное. Вика стояла рядом с могилой деда и думала о том, почему бабуля отправила ее по ложному следу. Неужели надеялась, что Вика не найдет?

Вика дотронулась рукой до ограды – краска давно облезла

– и ничего не почувствовала. Она не узнала деда по портрету, который был выбит на гранитной плите. Ничего знакомого, ни одной черты лица, ничего родного. Посторонний человек. Вика не почувствовала ни трепета, ни подступивших к горлу слез. Ничего не екнуло в душе, не дрогнуло сердце. Ей было даже неловко от того, что она не испытала ничего из того, что положено испытывать на кладбище, стоя рядом с могилой родного человека.

Даже на могиле отца Вика переживала больше эмоций. Чтобы чем-то занять мысли, она рассказывала ему о последних событиях. Отца Вика почти совсем не помнила – он умер, когда она была еще младенцем. Мама после этого замуж так и не вышла, посвятив себя дочери. И Вика вела с отцом, которого никогда не знала, внутренний диалог – так быстрее текло время. Иногда Вика рассказывала черной мраморной плите о себе, о работе, иногда о маме. Но в основном о бабуле. Она представляла себе выражение лица отца и то, что он мог бы сказать ей в ответ. Но здесь, на могиле бабушки, Вика не знала, что нужно делать. Не было потребности ни в разговоре, ни в каких-то внутренних обещаниях. Были только вопросы, которые вдруг возникли и на которые не было ответа.

На участке росли два огромных дерева и роскошный куст роз. Несколько тюльпанов уже отцвели, но держались из последних сил. Зато анютины глазки распустились во всей красе. Странно, но могила не казалась заброшенной, хотя Ви-

ка ожидала увидеть заросли – дедушка умер больше двадцати лет назад. Она попыталась представить себе, каким дед, этот строгий мужчина, смотревший на нее с плиты, был при жизни. Но не получалось. Неужели она зря сюда приехала? Бабуля была права – зачем ей это понадобилось? Что она может изменить или сделать? Вот даже сейчас. Что? Выкорчевать деревья? Чем? Тут пила нужна – деревья сильные, в самом соку. Рвать траву? Но у нее не было ни перчаток, ни тяпки. Мыть? Но не было даже ведра. Вика рассердилась на себя – почему она не догадалась привезти хотя бы букет цветов, чтобы положить на могилу? Хоть как-то обозначить свое присутствие. Но ей это и в голову не пришло. Как будто и вправду она на экскурсию приехала, а не на кладбище. Но цветов здесь, слава богу, предостаточно. И выюн, опоясавший надгробную плиту, жалко вырывать. Весь в голубых колокольчиках. А вот дерево лучше было бы выкорчевать. Просто удивительно, что сама плита – чистая. Наверное, здесь не бывает грязи. Другой климат.

– А можно я еще раз позвоню? – попросила она водителя. Ее телефон по-прежнему не подавал признаков жизни.

Он кивнул, даже не удивившись.

Вика набрала номер. Бабуля как будто ждала ее звонка, ответила сразу же.

– Нашла, – сказала Вика.

– Ты там траву подергай, что ли, – сказала бабуля раздраженно.

– Тут деревья, вьюн и даже анютины глазки, представляешь? У меня ничего нет с собой – ни лопаты, ни пилы, ни даже тряпки. Я не подумала, что надо взять. А руками не вырву.

– Анютины глазки? Откуда они там? – спросила бабуля.

– Не знаю. Может, с прошлых лет остались?

– Викуля, анютины глазки – однолетние растения! Их посадили в этом году. – Бабуля была явно взволнована.

– Бабуль, тут женщина одна на кладбище была, она помогла могилу найти, говорит, что здесь друг деда живет, они вроде работали вместе.

– Как его зовут?

Бабуля говорила таким голосом, что Вика испугалась и уже пожалела о том, что позвонила. Бабуля явно была не в себе и волновалась, что с ней случалось крайне редко.

– Его зовут Дмитрий Иванович Захаров. Мне зайти к нему?

– Зачем?

– Не знаю. Просто хотела узнать, каким был дедушка. Этот Захаров живет тут рядом.

– Я знаю, где он живет, – бабуля закашлялась.

– Что с тобой? Ты не болеешь? – Вика слушала, как бабуля пытается откашляться.

– Тебя привез мужчина, с которым я разговаривала? – спросила бабуля.

– Да, а что?

– Уезжай. Сейчас же. Скажи ему, что я попросила. Он мне обещал.

– Но почему?

– Ты меня слышишь? Садись в машину и уезжай. Никуда не нужно ходить. Поняла?

– Хорошо. Только не волнуйся, пожалуйста. А что с могилой делать?

– Стояла двадцать лет и еще простоит. А Лариске скажи, чтобы цветы свои в землю больше не тыкала.

– Лариске? Какой Лариске? – спросила Вика, но бабуля уже положила трубку.

Вика отдала телефон водителю. Они вышли с кладбища через ту же калитку, что и женщина с внуками, и встали у заброшенного здания.

– Бабуля сказала, что могила из окна здания видна. А тут даже окна нет, – сказала Вика, не зная, что делать дальше. Возвращаться? Искать друга детства деда?

– Тут было окно, – сказала жена водителя, – вон там. Только его заложили кирпичом.

Вика посмотрела туда, куда показывала женщина, но ничего не увидела. Обычная кирпичная стена. Видимо, это была такая особенность местных жителей – видеть то, чего не видят другие, будь то точка на горизонте или окно в стене, которого никогда не было и не могло быть.

– Захаров Дмитрий Иванович нас уже ждет, – сказала жена водителя. – Поедем к нему?

– Как ждет? Откуда он знает? – удивилась Вика.

Жена водителя улыбнулась и пожала плечами.

– Он уже через пять минут после того, как мы сюда приехали, об этом знал.

– Бабуля сказала, чтобы я возвращалась и никуда не заходила. Мне кажется, она что-то скрывает, все эти годы скрывала и сейчас не хочет, чтобы я узнала. Не знаю, что делать.

– А что ты сама хочешь?

– Не знаю. Ничего уже не хочу. Бабуля мне мало рассказывала. Говорила, что они тут с дедушкой жили. Моя мама еще маленькая была. Но в этом поселке дедушка родился, это я точно знаю. А жили они на улице рядом с переездом. И вроде дедушка даже начальником на заводе был. Потом они уехали. И все.

– Поехали, найдем, – предложила жена водителя, – это просто. Переезд тут один.

Они сели в машину и доехали до переезда. Водитель остановился. Вика смотрела на заасфальтированную дорогу, от которой шел пар, на большие дома за высокими заборами, на пустую улицу, по которой не бегали дети и стояла такая звенящая тишина, как будто даже за заборами жизни не было. Вике не захотелось выходить из машины. Нет, все было не так, как она себе представляла. Почему-то она думала, что поселок будет маленьким, с игрушечными домиками, яркими заборами, резными ставнями и доброжелательными, приветливыми жителями. Ей казалось, что здесь должно быть

шумно и весело. Она придумала себе сказочную деревушку, а попала в обычный поселок, каких много.

– Я не знаю, что делать, – сказала Вика.

Водитель поехал прямо, но очень медленно. Свернул направо, сделал крюк и вернулся почти к кладбищу.

– Он дает тебе время подумать, – сказала его жена Вике. – Ты хотела поговорить с этим Захаровым?

– Не знаю, как-то неудобно беспокоить; наверное, нет. Да, точно нет. И бабуля была против. Давайте вернемся, – ответила Вика.

Водитель резко развернулся, и уже через пять минут они были на шоссе – ехали в сторону города. Вика думала, что сначала они завезут жену, но водитель привез ее сразу к гостинице. Вика расплатилась, прибавив к сумме плату за телефонные переговоры и «ожидание», но водитель вернул ей деньги.

– Спасибо, до свидания, – сказала Вика. Она еле дошла до номера. Накатила такая усталость, что она с трудом передвигала ноги. Тело саднило от царапин. Не раздеваясь, она рухнула на кровать и уснула. Проснулась от звука громкого-говорителя – на набережной реки гуляли люди, играла музыка, дети катались на каруселях. Вика сходила в душ и решила выйти проветриться. К тому же очень хотелось есть.

Она спустилась на первый этаж и за столиком в баре увидела водителя. Тот пил кофе. Вика хотела сделать вид, что не заметила его, потому что сил на разговоры уже не осталось,

но потом решила, что это будет неправильно, невежливо, и подошла поздороваться. В ту же минуту к столику подошла официантка и поставила еще одну чашку кофе.

– Это мне? – удивилась Вика.

– Да, – ответила официантка, в свою очередь удивившись вопросу. – А кому же еще?

Вика села за стол и с наслаждением отпила кофе.

– Моя жена ждет вас на ужин, – сказал водитель, – она расскажет про вашего деда. Сейчас поедем.

– А вы давно здесь? Специально меня ждали? – Вика не знала, что и думать.

Водитель не ответил. Он подождал, пока она допьет кофе, и пошел к машине. Ей ничего не оставалось, как последовать за ним. Вика узнала поворот и улицу, на которой играл в мяч все тот же мальчик. И мяч опять покотился под колеса, а водитель притормозил и дождался, пока мальчик перебежит улицу.

Водитель открыл ворота и жестом пригласил Вику зайти. За столом, который стоял на улице, сидели женщины, на участке играли дети. Вику встретили как давнюю знакомую, посадили за стол и поставили тарелку.

– Я подумала, что ты проснешься и будешь голодная, – сказала жена водителя.

– Спасибо. Простите, но я даже не знаю, как вас зовут, – тихо сказала Вика.

– Наташа, – улыбнулась женщина – А я, кстати, разгова-

ривала с этим Захаровым. Он мне сам позвонил.

– Как? Откуда он узнал ваш номер? – удивилась Вика.

– Я той женщине, с кладбища, его оставила. На всякий случай. Да это не проблема – номер узнать. Тут все, считай, знакомые. – Наташа опять улыбнулась.

– И что он сказал? – спросила Вика.

– Спрашивал, кто и зачем приезжал.

– И что вы сказали?

– Что внучка разыскивала могилу деда.

– А он правда его знал? Дружил?

– Пойдем за ворота. Это личное, – предложила Наташа, удостоверившись, что у мужа есть еда на тарелке. – Это странно, но он сказал, что с твоим дедом никогда не дружил, – продолжала Наташа, когда они стояли на улице и смотрели, как все тот же мальчик играет в мяч. – По его словам, они были однокашниками, даже работали вместе одно время, но никогда не были близкими друзьями. А еще он сказал, что Петр Борисович не был начальником, что после школы он уехал поступать в институт, потом вернулся на короткое время, был уволен и уехал после этого сразу же. Больше в поселок никогда не возвращался.

– Но это же неправда! Бабуля совсем по-другому рассказывала! – воскликнула Вика.

– Не знаю. Но Захаров намекнул, что Петра Борисовича чуть ли не с позором выгнали из поселка. Мол, деваться ему некуда было – только уезжать.

– А почему с позором? Что случилось?

– Что-то связанное с женой, то есть с твоей бабушкой.

– Что именно сказал Захаров?

– Ну, ничего особенного. Понимаешь, ему сейчас уже лет восемьдесят, если не больше. Так что и память может подводить.

– Наташа, пожалуйста, говорите. Только про память мне не рассказывайте, – попросила Вика.

– Понимаешь, Захаров тот еще уж – как на раскаленной сковородке вертелся. Намекнул, что у твоей бабушки было, как бы это сказать, недостойное поведение. Что, мол, красавица была писаная и голос волшебный, но... вроде как падшая женщина. И муж из-за нее пострадал.

– Кто? Бабуля? Какая ерунда! – засмеялась Вика.

– Я не хочу тебя обидеть и наговаривать лишнего. Но я так поняла со слов этого Захарова, что там была связь на стороне. Измена. – Наташе явно было не по себе, и она старалась подбирать слова. – А у дедушки твоего были из-за этого неприятности на работе.

– Да, интересно, мне бабуля никогда об этом не рассказывала, – сказала Вика.

– Столько лет прошло. Уже травой все поросло. Но если хочешь, мы съездим, ты встретишься с этим Захаровым.

– Если честно, не хочу. Встречаться с человеком, пусть пожилым, который такое говорит про моих близких, который назвал бабулю падшей женщиной, нет никакого жела-

ния. Врет он все. Или ему точно память отшибло. – Вика была раздражена и обижена. Почему какой-то старик смеет обижать ее бабулю и распускать о ней такие слухи? Какое он имеет на это право? Да еще сам звонить и пересказывать сплетни?

– Я тебя понимаю, – сказала Наташа, – я тоже ему не поверила. Но он настаивал, чтобы я тебе это рассказала.

– Странно все это. Наверное, бабуля была права, когда велела мне уезжать и ни с кем не встречаться. Потянешь за нить, такой змеиный клубок раскрутишь, что потом будешь жалеть.

– А что ты знаешь о своем деде? Что бабушка тебе рассказывала?

– Да почти ничего. Она не любит вспоминать прошлое. Знаете, что странно – кладбище мусульманское и деревня мусульманская. Почему мой дедушка там похоронен? Он ведь русский, бабушка тоже. И почему могила убрана? И анютины глазки растут. Бабуля говорит, что они однолетние и их специально посадили. Значит, кто-то за могилой ухаживает?

– Не знаю. Все может быть, – пожала плечами Наташа. – А что поселок мусульманский, так в этом ничего удивительного. Так сложилось. Здесь есть немецкая улица, там всегда немцы селились, есть улица староверов. А поселок этот считался мусульманским, потому что там мечеть была. Она была разрушена, а потом ее восстановили. Потом опять чуть ли

не до основания снесли и опять восстановили. Но просто так твоего деда на этом кладбище бы не похоронили. Там специальное разрешение требуется или деньги нужно большие заплатить.

– Бабуля мне ничего не рассказывала. Но вы ведь уже поняли – она тоже все на память жалуется, когда ей это нужно. Она вообще не хотела, чтобы я сюда приезжала. Была против. Она столько лет забывала прошлое. Я не хочу ничего выяснять, если честно. Я ведь должна уважать ее желание. Правда?

– Не знаю. Меня бы это не остановило, если бы я хотела узнать правду, – сказала Наташа.

– А меня останавливает. Я не хочу, чтобы бабуля переживала. Мне, если честно, все равно, что там случилось.

– Тогда зачем ты приехала? – удивилась Наташа.

– Не знаю. Хотела что-то почувствовать. Прикоснуться к корням, как принято говорить. А не получилось. Сегодня на кладбище ощущала себя как посторонняя. В чужом месте. И деда не узнала совершенно. Мне даже плакать не хотелось. Понимаете? Вообще никаких эмоций. Вот только сейчас закипела – из-за этого Захарова. Зачем он врет? И зачем он вообще вам звонил, если с моим дедом был шапочно знаком? Тогда какое ему дело до меня, до могилы бабушки?

Вика заплакала. Ей стало больно за бабулю и за то, что она не может ответить Захарову, кем бы он ни был.

– Ты хочешь еще раз съездить на могилу? – спросила На-

таша. – Убрать там? Я тебе помогу.

– Бабуля сказала, что могила простояла двадцать лет и еще двадцать простоит. Просила не возвращаться. Она таким голосом говорила, что мне плохо стало. Нет, я не хочу. Не буду, – сказала Вика. – Но все-таки странно, почему этот Захаров врет? Есть ведь причина?

– У каждого есть причина не говорить правду, – ответила Наташа. – Пойдем ужинать, а то ты с утра, небось, ничего не ела. Как, кстати, тебе наш город? Ты ведь раньше здесь не была?

Вика не знала, что ответить. Город, казалось, остался жить в прошлом и жил прошлым. На главной площади маршировали в колоннах старшекласники – замерзшие дети в одинаковых коротких шортах и футболках. Из громкоговорителя доносился женский голос, который объявлял, как дети должны двигаться колоннами. Вика такие голоса не любила – высокие и пронзительные, пронизанные ультразвуковыми волнами. Дети покорно маршировали, кричали приветствия и пели песни – всю шла подготовка к спартакиаде, сто какой-то по счету, судя по надписям на больших плакатах.

В гостинице она заполнила карточку гостя, указав паспортные данные, семейное положение и оставив залог – вдруг разобьет стакан или сломает тумбочку. Женщина за стойкой регистрации предупредила, что гости допускаются в гостиницу только до девяти вечера и строго по предъявля-

нии паспорта. Неулыбчивая горничная, сидящая в коридоре за огромным столом, на котором стоял стационарный телефон с проводом и круглым диском, напомнила, что Вика должна будет сдать ей белье и номер перед отъездом. На завтраке в местном ресторане – бывшей столовой – ее записали в специальную тетрадь, еще раз проверив карточку гостя, и указали столик. Вика хотела пересесть к окну, благо места было предостаточно, столы стояли пустыми, но официантка сказала «не положено» и даже испугалась такому странному желанию гостя – сидеть ведь нужно там, где указано и где закрыто. А около окна не закрыто. Неужели не понятно?

– Но ведь можно и туда скатерть постелить и салфетки поставить? – высказала предложение Вика.

– Мне скатерть лишнюю никто не выдаст! – ахнула официантка.

И Вика подчинилась, не стала спорить, мгновенно приняв правила и порядки, – предъявляла, кивала, не задавала вопросов, не возмущалась. Если бы ее поставили в колонну к школьникам и велели нести плакат – она бы покорно встала и понесла. И только бар на первом этаже, где она пила кофе, ощущался как сладкий глоток свободы.

Вечером Вика вышла на улицу перед гостиницей покурить – в помещении это делать было запрещено. Специально отошла подальше, за деревья, прячась неизвестно от кого. Она почему-то была уверена, что надо непременно отойти и спрятаться, хотя не могла объяснить, от кого ей прятаться. И

если ее поймают с сигаретой, то что будет?

Там же, на улице, за березкой, стояла женщина, которая курила чуть ли не в кулак, постоянно оглядываясь. Когда она увидела Вику, то замерла и спрятала сигарету за спину. Вика узнала женщину, которая ее регистрировала при заселении.

– Здрасьте, – сказала Вика и улыбнулась.

– Нам нельзя, – стала оправдываться женщина, – там уборщицы не было? В личное дело внесут, а у меня уже два выговора.

Ей было за сорок. И она курила, скрываясь даже от уборщицы. Боялась, что та на нее донесет.

Женщина двумя жадными затяжками докурила сигарету почти до фильтра, зажевала жвачкой и побрызгалась духами.

– Я никому не скажу, – пошутила Вика, но женщина кивнула с благодарностью, как соучастнице, и побежала к гостинице.

– Простите, – окликнула ее Вика.

Женщина дернулась, как будто ей выстрелили в спину. Она повернулась очень медленно и посмотрела на Вику с ужасом, не зная, чего ожидать, и одновременно умоляя взглядом о пощаде. Такого взгляда Вика не видела никогда, и ей стало стыдно, страшно, противно и жалко себя, эту женщину, город и всех его жителей, включая детей, которых учили строиться в колонны и шагать в ногу под звуки праздничного марша.

– А здесь есть кафе рядом? – спросила Вика у женщины.

В гостинице ресторан закрывался в восемь.

– За углом.

Вика докурила и пошла туда, куда указала женщина. Кафе было открыто, но народу в нем почти не было. У Вики еще с утра разболелось горло, и ей хотелось выпить чего-нибудь горячего.

– А можно мне молоко с медом? – попросила она подошедшую официантку.

– Что? – испуганно переспросила та.

– Молоко. Только горячее. И мед, – повторила заказ Вика.

– Сейчас спрошу.

Официантка ушла на кухню и долго не появлялась.

– Нельзя, – ответила она, когда наконец вернулась.

– Почему?

– Его нет в меню отдельно. Мы не знаем, как считать.

Можно только с кофе. Будете с кофе?

– Нет, я не хочу кофе. Вы можете посчитать мне как с кофе, а принести только молоко? И мед? У вас есть мед?

– Есть. Но с блинчиками. Вот, в меню.

– Я не хочу блинов.

– Тогда нельзя. Не положено.

– Почему? – Вика начала злиться. – Если у вас есть молоко и мед, то почему нельзя мне их принести?

– В меню не указано. Молоко можно с кофе, а мед – с блинчиками.

– Хорошо, несите, – согласилась Вика, – только молоко

все равно отдельно. И чашку обычную чайную принесите, пожалуйста.

– Вы чай будете заказывать?

– Нет. Только чашку. Пустую.

Официантка опять застыла в нерешительности.

– Нельзя? – переспросила Вика.

– Я не знаю. – Девушка чуть не плакала. Наверное, никто еще в этом кафе не делал такой сложный заказ.

В конце концов они договорились на чай и блинчики с медом. Официантка была почти счастлива. Вика готова была согласиться уже на что угодно. Как ни странно, блины оказались вкусными, и Вика с удовольствием их съела. Чай тоже был вполне приличным.

Вика оставила десять процентов чаевых.

– Вы дали лишнее, – сказала официантка, перепугавшись чуть ли не насмерть.

– Это чаевые.

– Я должна вам пятьдесят рублей двадцать копеек.

– Не нужно. Спасибо.

– Возьмите. Вот, пересчитайте.

Вика покорно пересчитала сдачу и взяла деньги. Когда она выходила из кафе, на лице официантки была написана просьба – никогда больше сюда не приходите. Девушка была измучена, испугана и еле держалась на ногах.

Вика вернулась в гостиницу, где горничная проверила у нее карточку гостя, хотя на этаже она жила одна и горничная

прекрасно знала, в каком номере.

– Вы будете еще сегодня выходить? – строго спросила она.

– Нет, – ответила Вика.

– Тогда я закрываю этаж.

Что значит «закрываю этаж», Вика не знала, но решила не спрашивать.

Вика уже жалела, что приехала сюда на четыре дня. В городе не было знакомых, и по большому счету дел у нее тоже здесь никаких не было. Что ей делать еще столько времени? Менять билет и улетать домой? Или все же вернуться на могилу? А может, поступить так, как советовал водитель, – подождать?

На завтрак она съела холодный упругий омлет, сидя в пустом зале ресторана на «своем» месте – официантка проследила, чтобы Вика села куда положено. Она решила пройтись по городу и подумать – менять ей билеты или нет. Вика хотела отыскать какой-нибудь музей, чтобы хоть чем-то занять свободное время. С главной улицы она решила не сворачивать – идти прямо, чтобы не заблудиться. Современные многоэтажки соседствовали с богатыми частными домами и совсем старыми домишками. Рядом с магазином электроники сидела женщина и торговала свежей зеленью – от лотка шел резкий запах земли и травы. На главной площади сверкал на солнце огромный памятник Ленину с цветами на постаменте. Тут же, на здании городской администрации, развевался

российский флаг. Вика свернула в переулок и вошла в сквер. В палатке у входа продавались сигареты и прохладительные напитки, а в двух шагах стояла тележка с мороженым, попавшая сюда из Викиного детства. Она подошла и, не удержавшись, купила пломбир в вафельном стаканчике. Мороженщица – Вике показалось, что она даже помнит ее лицо, хотя такого не могло быть, – выдала ей деревянную палочку и посоветовала есть медленно, чтобы не простудиться. Вика послушно кивнула, как всегда кивала, когда была маленькой. И, отбежав от мороженщицы, откусывала от вафельного стаканчика большими кусками, которые приходилось долго держать во рту, чтобы немного растаяли.

Она села на лавочку, впитывая эмоции, ощущения, впечатления – хотела запомнить все хорошенько, чтобы потом рассказать бабуле. Та обязательно будет ждать рассказа. Но Вика ловила себя на том, что все равно смотрит на город, на окрестности глазами неопита, иностранца, экскурсанта, не чувствующего атмосферу так, как чувствуют ее местные жители. Она замечала то, чего не замечали молодые женщины, гулявшие с колясками, водители такси, собравшиеся на крошечном пяточке под знаком «стоянка запрещена».

Вика с некоторым удивлением подошла к скульптуре явно современного периода: что-то авангардное – переплетенные ветви то ли дерева, то ли кустарника, которые росли ввысь, вероятно, олицетворяя что-то хорошее. И своими железными ветвями буквально утыкались в небольшой, даже скром-

ный бюстик Сталина, на котором лежала забытая или потерянная детская лопатка – так кладут перчатку на скамейку или вешают зонтик на ветку дерева, чтобы хозяева могли вернуться и найти пропажу.

Вика вышла из сквера и пошла назад. По дороге ей попался ювелирный магазинчик, в который она зашла просто так, из любопытства. Решение – уезжать или оставаться – она так и не приняла. Ей хотелось уехать сегодня же, но что-то держало и останавливало.

В магазинчике, не считая продавщицы, которая небрежно, чуть ли не горстями, разбрасывала по витрине серьги и кольца, никого не было.

– Почему одна? – спросила ее продавщица, не отрываясь от дел.

– А с кем нужно? – удивилась Вика.

– С женщиной, конечно же. Вот, смотри, какой жемчуг, – продавщица показала ей серьги, которые собиралась бросить на витрину, – очень богато смотрятся.

Серьги были красивыми, но слишком вычурными. Как говорила в таких случаях бабуля, «надеть и не встать».

Вика разглядывала украшение, когда в магазинчик зашел мужчина. Продавщица внимательно смотрела, как он переходит от одной витрины к другой, но не предложила помочь и не спросила, что он ищет. Прошло минут десять – в полной тишине. Вика покорно мерила серьги, которые ей предлагала продавщица.

– Мужчина, ну что вы так скучно ходите? – наконец не выдержала та.

– Зато молча, – ответил тот и сразу же вышел.

Вика купила серьги – длинные, украшенные камнями, – которые никогда бы в жизни не рискнула даже примерить. Но в тот момент, глядя на себя в зеркало, она показалась себе красивой. Яркой, броской, почти как бабуля. Серьги удлинняли лицо, делали его тоньше и выразительнее. Так сказала продавщица, и Вика ей поверила.

Она вышла из магазинчика, ощущая непривычную тяжесть в мочках, и пошла к гостинице, решив, что сдаст номер и сразу поедет в аэропорт. И была твердо уверена в правильности своего решения, как будто серьги стали последним пунктом ее «программы пребывания» в этом городе.

Вика дошла до гостиницы под звуки марша, доносившегося из громкоговорителя.

– Где вы ходите? Я вас давно жду. – Вчерашний водитель, муж Наташи, ждал ее около входа. Он был обеспокоен, судя по взгляду, который не был устремлен к линии горизонта.

– Здравствуйте, – ответила Вика, – а зачем вы меня ждете?

Она была рада встрече – теперь она точно знала, что поедет в аэропорт.

– Вы не видели город, – сказал водитель тоном, каким муж упрекает жену в том, что она не приготовила ужин.

– Видела. Я гуляла, – ответила Вика, – дошла до сквера.

Водитель даже не хмыкнул, а фыркнул и пошел к машине.

Вика по его спине поняла, что должна следовать за ним.

Она села на заднее сиденье машины, собираясь покориться судьбе, но не выдержала.

– Простите, а как вас зовут? – спросила она.

– Давид, – ответил мужчина.

– Очень приятно. Вы не могли бы меня потом в аэропорт отвезти? Я хочу поменять билеты. Улететь пораньше.

Давид не ответил. Только посмотрел на Вику тем же взглядом, каким рассматривал горизонт, – как будто сквозь нее.

Они остановились на маленькой тихой улочке. Давид вышел и пошел к старому зданию. Вика поплелась следом. Она не решалась сказать ему, что не может ездить на заднем сиденье, – ее сразу начинает тошнить и она буквально вываливается из машины.

– Куда мы приехали? – спросила Вика, борясь с рвотным рефлексом.

– В музей, – ответил Давид.

Они зашли в крошечный темный вестибюль, где их встретила женщина. Она чем-то напоминала регистраторшу из гостиницы. Строгая, сосредоточенная, в деловом костюме, но с виноватым взглядом, как будто совершила что-то недозволенное.

– Что вы хотите? – спросила женщина. – Просто посмотреть или экскурсию?

– Экскурсию, – ответил за Вику Давид.

– Для детей или для взрослых? – уточнила женщина.

Вика огляделась – кроме них двоих, никаких детей не было. Она невольно улыбнулась, но и женщина и водитель оставались совершенно серьезными.

– Экскурсия для детей – сто рублей, для взрослых – двести пятьдесят. Вам какую? – спросила женщина.

– Детскую, – ответил Давид.

Вика уже смирилась и не спорила. Не задавала вопросов и не требовала объяснений. Бесполезно. Как просить в кафе молоко с медом.

Даже когда женщина, оказавшаяся не только кассиром, но и экскурсоводом, провела их в зал со словами: «Здравствуйте, мальчики и девочки. Дети, что вы знаете о нашем родном крае?» – Вика не начала хохотать, а насупилась и опустила глаза в пол, как делала это в детстве. Экскурсовод вела экскурсию, обращаясь к Вике и Давиду на «ты». Говорила она громко, хотя и Вика и Давид слушали не перебивая. Экскурсовод разговаривала с ними как со школьниками и в конце выдала два чупа-чупса за правильные ответы в рамках викторины «по услышанному». То, что перед ней стоят два взрослых человека, что никого, кроме них, в музее нет, женщину не смутило. Она вела детскую экскурсию за сто рублей, ни на слово не отступая от плана. Давид слушал серьезно, а Вика улыбалась и смущалась, почувствовав себя маленькой девочкой.

Они вышли из музея, и Вика, очумевшая от такой экскурсии, пошла к машине. Но Давид направился в другую сторо-

ну.

– Куда вы?

– В парк. На Аллею славы. Танк хотите посмотреть? – спросил Давид.

Вика не ответила. Она надеялась проснуться и очутиться дома. И чтобы больше не было ничего – ни этой поездки, ни кладбища, ни Давида, который фактически стал ее персональным водителем, ни его приятной и заботливой жены Наташи. Ничего. И чтобы ее тоже не было. Здесь. Она хотела к бабуле. Положить ей голову на колени и признаться, что та, как всегда, была права. Не нужно было никуда ехать. Лучше быть с ней. Лежать, и чтобы бабуля гладила по голове.

Но Вика покорно пошла за Давидом – они зашли в парк и присели на ближайшую лавочку. Вдруг она услышала грохот.

– Гром? Дождь пойдет? – удивилась Вика, глядя в небо, на котором не было ни тучки.

– Нет, это танк едет, – радостно ответил Давид. Он был возбужден, как мальчишка. И смотрел опять куда-то вдаль, разглядывая только ему видимую картину.

Вика кивнула, решив, что сошла с ума, и в ее ситуации это было самым естественным и логичным объяснением. А чего еще ждать от этого города? Здесь она узнала, что ее бабуля была падшей женщиной, что ее дедушка похоронен на мусульманском кладбище, в гостинице нельзя сидеть около окна, потому что «не положено», и курить разрешается только под березой, чтобы никто не донес не пойми куда и не

пойми кому. Здесь у всех мгновенно случается амнезия, и никто не может объяснить, почему она должна слушать детскую экскурсию, песни из громкоговорителя, есть мороженое маленькими кусочками и ждать появления танка!

Но вдруг на центральной аллее действительно появился танк – обычный танк, насколько Вика могла судить. Вообще-то танки она видела только на картинках и в музеях, но ни разу на ходу. На некоторое время она даже оглохла. Никакого восторга от вида настоящей боевой техники Вика не испытала. Скорее ужас – она сидит на лавочке, а мимо нее на расстоянии вытянутой руки медленно проезжает танк. При желании она могла до него дотронуться.

Вика видела, как Давид бежит следом за танком, кричит и машет руками. В тот момент она пожалела, что доверила свою жизнь этому водителю. Разве нормальный человек будет бежать за танком? Разве в нормальном городе танк будет вот так запросто ездить по парку, если это не парад?

Оказалось, что танк – это памятник. Пусть и не с первого раза, эта махина заехала на специально выстроенную эстакаду и остановилась. Двое мужчин вылезли из кабины и обошли его кругом, проверяя работу. Рядом стояли дети, женщины – они хлопали в ладоши. Дети норовили залезть на пушку.

Подшли еще двое мужчин и стали разбирать эстакаду.
– И что теперь? – спросила Вика у водителя, который с восторгом смотрел на танк.

– Как что? Памятник будет, – ответил он.

– Памятники не ездят.

– Почему не ездят? Очень хорошо все придумали. Если нужно будет, они заведут танк и спустят его.

– Ну да, конечно, – вынуждена была согласиться Вика. – А кому памятник поставили? Почему именно танк, а не самолет?

– Красиво, – искренне восхитился Давид, – и самолет сюда не поместится.

– Отвезите меня в гостиницу, пожалуйста, – попросила Вика. – На сегодня мне впечатлений достаточно.

Давид кивнул и пошел к машине, то и дело оборачиваясь, чтобы еще раз посмотреть на сверкавший на солнце образец военной техники. Водитель довез ее до гостиницы, отсчитал сдачу, хотя Вика намеренно дала больше, и встал рядом со своей машиной, с удовлетворением и чувством выполненного долга уставившись на линию горизонта.

Вика вдруг почувствовала себя плохо – опять подкатила тошнота и слабость, ноги стали ватными. Она зашла в вестибюль, где охранник, с которым она здоровалась дважды в день, проверил у нее карточку гостя и попросил пройти через металлоискатель. Спорить бесполезно, проще согласиться.

В номере было душно. Кондиционер работал «через не могу». Вика открыла пошире окно и выглянула наружу – на набережной гуляли люди. Из громкоговорителя доносился

очередной бравурный марш. Вика взяла мобильный телефон и набрала номер.

– Бабуль, это я, ты как там?

– Ты за этим позвонила? – спросила бабуля.

– Мне плохо что-то, – призналась Вика.

– Я знаю. Не нужно было тебе туда ехать. Потерпи, Викуля. Скоро вернешься домой. Я тебя жду.

Вика давно знала, что ей проще разговаривать с бабулей именно по телефону. Слушать ее завораживающий ласковый голос, слышать, как она щелкает зажигалкой, прикуривая сигарету, или отставляет кастрюлю с плиты. Этой магией телефонных разговоров она очень дорожила и боялась ее разрушить. Когда она приезжала к бабуле в гости, никаких разговоров не получалось. Они или сидели молча, или обсуждали погоду и незначительные новости. А по телефону, не видя друг друга, могли говорить обо всем. Точнее, бабуле даже не нужно было ничего рассказывать – она все чувствовала заранее и отвечала на Викины вопросы прежде, чем та успевала их задать.

– Бабуль, а что там у вас с дедушкой произошло? – спросила Вика.

– Зачем тебе это сейчас? Ничего особенно не произошло. Обычная жизнь, вот что произошло. Почему ты спрашиваешь?

– Просто так. Я чувствую, что-то случилось. Но не хочешь, не рассказывай.

– Не хочу. Нечего рассказывать.

В этот момент у Вики в номере зазвонил телефон.

– Бабуль, я тебе перезвоню, ладно? Целую.

Вика подняла трубку и услышала голос женщины с регистрации.

– Вас тут ждут, – сказала женщина.

– Кто?

– Мужчина. Просил, чтобы вы спустились. В баре сидит.

– Какой мужчина? У меня здесь нет знакомых.

Но администратор уже положила трубку. Вика нехотя встала с кровати и спустилась на лифте вниз.

За столиком в баре сидел только один мужчина – пожилой, в строгом костюме. Перед ним стояла бутылка воды. Вика нерешительно подошла к нему и спросила:

– Простите, вы меня ждете?

– Виктория? – переспросил мужчина.

– Да.

– Внучка Петра?

– Да.

– Зачем вы приезжали и спрашивали про меня? Что вам нужно?

– Я про вас не спрашивала.

– Мне звонили по вашей просьбе. Зачем? Что вы хотите?

– Я никого не просила. Мне ничего не нужно. Приехала на могилу к деду. Найти. Вот и все. А вы кто?

– Захаров Дмитрий Иванович.

– Вы друг моего дедушки? Про вас говорила женщина с кладбища!

– Лариса? Так и знал, что это она. Язык без костей!

– Да, бабуля тоже говорила про какую-то Ларису! А кто она? Расскажите. Понимаете, я дедушку совсем не помню. Просто хотела узнать, каким он был человеком.

– Интересно, почему вы не знаете о своем деде? – Мужчина был явно раздражен.

Вике он совсем не понравился. Неприятный, злой.

– Просто бабуля не любит вспоминать прошлое. А дедушка давно умер. Бабуля хотела приехать на его могилу, но она уже в возрасте, ей тяжело.

Дмитрий Иванович хмыкнул.

– Зачем вы приехали? – спросил он строго.

– Я же вам сказала – на могилу к деду. Вы можете мне что-нибудь рассказать? Вы ведь учились вместе и работали. Так сказала женщина, которая была на кладбище.

– Много лет прошло. Мы никогда не дружили. Просто были знакомы. У нас в поселке все друг друга знают. Ничего я вам рассказать не могу. Не помню.

– А бабуля? Вы знали мою бабушку?

– Видел. Красивая женщина.

– Да... – кивнула Вика, понимая, что больше ничего не услышит. И у этого Захарова случился внезапный приступ амнезии.

Дмитрий Иванович едва заметно пожал плечами – мол, а

что еще ты ожидала услышать?

Вика разглядывала этого человека, сидящего напротив, и пыталась угадать, что он вспоминает, о чем думает, какие отношения связывали его с ее покойным дедом и что он так тщательно скрывает. Неужели он ровесник ее дедушки?

Здесь, в этом городе, возраст людей никогда нельзя было угадать. Это Вика заметила еще по регистраторше, которую поначалу приняла за женщину лет сорока, но позже, увидев ее под березой с сигаретой, решила, что она совсем еще молодая. Здесь еще молодые женщины выглядели значительно старше своих лет, но потом как будто замораживались, и время было над ними не властно. Годы шли, а они не менялись. И любой из них можно было дать и сорок, и пятьдесят, и семьдесят. А мужчины садели уже после тридцати.

Дмитрий Иванович, наверное, в молодости был привлекательным мужчиной. Его внешность портила раскроенная надвое верхняя губа с огромным шрамом, который не скрывали даже усы, опущенные явно специально. По поведению, манере речи можно было сказать, что Дмитрий Иванович пользовался уважением и привык даже к некоторому почитанию. Во всяком случае, на мир он смотрел снисходительно, свысока, а Вика вызывала у него скорее чувство досады – она доставила ему беспокойство, так ненужное и излишнее в его годы. Чувствовалось, что он привык командовать и ждал, что каждое его слово будет воспринято как приказ. Но было еще что-то, чего Вика не могла объяснить словами. То

ли страх, который Захаров рассчитывал увидеть в ее глазах, то ли беспрекословное повиновение ему.

– Вы из-за меня сюда приехали? – спросила Вика и сразу же поняла, что вопрос бестактен.

– Нет, у меня дела были в городе, – ответил Дмитрий Иванович резко. – Всего хорошего. И больше я прошу вас меня не беспокоить. И не нужно подсылать ко мне людей.

– Но я же никого не подсылала! – воскликнула Вика.

Дмитрий Иванович встал из-за стола, еще раз, брезгливо, как показалось Вике, посмотрел на нее и пошел к выходу. Она почувствовала, что Захаров был недоволен тем, как прошла их встреча. Чего он ожидал? Что она испугается? Будет оправдываться? Вика осталась сидеть, не зная, что и думать. Зазвонил ее мобильный.

– Да, бабуль, – ответила Вика.

– Ты где? – Бабуля была явно обеспокоена.

– В баре гостиницы. Приезжал Дмитрий Иванович, который Захаров. Не знаю зачем. Я так и не поняла. Он странный какой-то.

– И что он тебе сказал?

– Ничего. Что дедушку плохо знал, едва знаком, а ты была красавицей. Потом у него тоже случился острый приступ амнезии, как и у всех вокруг.

– Ха, а что им еще остается? – Судя по голосу, бабуля была рада. – Ну и как он выглядит?

– Нормально. Обычный пожилой мужчина. А что у него

с губой?

– Это я ему губу пресс-папье разбила. – Бабуля была явно довольна и даже возбуждена.

– Как ты? За что?

– Было за что. А еще я ему однажды в ящик стола ужей подложила. Он до жути змей боялся. Представляешь, открывает ящик, а там клубок змей шевелится. Его потом еще целый месяц трясло. Он за стол старался не садиться. Секретаршу просил документы из ящиков доставать. Вздрагивал от каждого шороха. – Бабуля получала удовольствие от воспоминаний. Вике даже стало страшно. Такой она бабулю никогда не знала и не слышала. Как будто чужая.

– Бабуль, Захаров специально звонил жене водителя, который меня тут повсюду возит. Давид его зовут. Так вот жене Давида Захаров сказал, что дедушка уехал из поселка из-за тебя. Что вы сбежали. Потому что... – Вика не могла повторить бабуле то, что сказал Захаров.

– Потому что я была шлюхой? – бабуля засмеялась. – Господи, ну он совсем не изменился. Как был гадким, мерзким, трусливым и никчемным существом, так и остался. Даже фантазия лучше не стала. Сволочь. Зря я ему тогда голову не разбила!

– Бабуль, я не хотела тебя расстраивать, – сказала Вика, которая чувствовала, что бабуле тяжело дается этот разговор.

– А нечего было ворошить прошлое. Чего тебе дома не си-

делось? – Бабуля, как всегда, неожиданно пришла в раздражение. Перемены настроения у нее случались часто и всегда внезапно. Вика к этому привыкла и не обращала внимания. А вот ее мать так и не могла понять, почему бабуля вдруг бросает трубку и не отвечает на звонки. И сколько бы Вика ни пыталась ей объяснить, что бабуля просто устала, что ей тяжело, больно, и она таким образом бережет нервы, мать так и не могла этого понять. Именно поэтому в последние годы их общение проходило исключительно через Вику. Она, внучка, была тем проводом, по которому доходили их слова друг до друга. И как-то менять эту ситуацию никто не собирался. И бабулю, и ее дочь все устраивало. Ну а Вику, которая разрывалась между ними, никто не спрашивал.

– Бабуль, а почему здесь все такие закрытые? Запуганные, что ли? Слово лишнее бояться сказать, – спросила Вика.

– Потому что есть что скрывать, вот и боятся.

– Но столько лет прошло... Чего сейчас-то?

– Прошло, не прошло, а я помню все, как вчера. И больно мне так же. Время еще никого не вылечило и не примирило – чувшь все это. Боль никуда не уходит, и память не притупляется. Наоборот, только обиды и помнишь. Хорошее, счастливые моменты, даже спокойствие не запоминаются, а вот злость, страх, отчаяние, ненависть – они как репейник. Ты его выкорчевываешь, а он только разрастается. И мы еще живы, понимаешь? Мы те же, что были тогда.

– Бабуль, расскажи мне, что тогда случилось.

– Зачем? Ну скажи мне, зачем? Я столько лет забывала, пыталась забыть, а ты хочешь все разворошить, скovyрнуть. Как траву старую на могиле.

– Бабуль, только не нервничай, пожалуйста. Если ты не хочешь, я ничего выяснять не буду. Скажи, что мне делать?

– Достопримечательности смотреть.

– Уже посмотрела. Давид, тот водитель, меня сегодня возил.

– Тогда домой возвращайся.

– Хорошо. Только скажи – а та женщина с кладбища, пожилая, Лариса, она кто? Захаров тоже про нее говорил.

– Как она выглядит?

– Не знаю. Обычно. У нее двое внуков. Мальчик и девочка.

– Надо же...

– Ну, она вроде твоя ровесница.

– Моя ровесница? – Бабуля моментально сменила гнев на милость и явно была заинтересована рассказом. – Да она на десять лет моложе!

– Значит, это была другая женщина, – ответила Вика.

– Нет, точно Лариска, больше никому. Цветы на могиле она сажала. И она действительно выглядит как я?

– Бабуль, мне кажется, она знает больше, чем говорит. И в этом она похожа на тебя. Ты тоже ничего мне не хочешь рассказывать. Только не говори, что и у тебя провалы в памяти! Все, я устала от вас от всех. Ты мне только скажи, что

делать с могилой. Возвращаться? Убирать?

– Не надо. Я позвоню Лариске. Она уберет. Или уже убрала, когда ты за воротами скрылась. – Бабуля, судя по звукам, прикурила очередную сигарету. – Они теперь будут ждать, что я приеду. Ничего не меняется. Ничегошеньки.

– Бабуль, выходит, ты ее знаешь? Эту женщину? Кто она? – спросила Вика.

Но бабуля уже нажала на отбой, закончив разговор. Вика поднялась в номер и решила принять душ, чтобы хоть немного прийти в себя. Но стоило ей раздеться, как зазвонил стационарный телефон.

– Вас опять мужчина ждет в баре, – сказала регистраторша. Голос у нее был суровым и ревнивым.

– Какой мужчина? – спросила Вика, но регистраторша уже положила трубку.

Вика, совершенно опустошенная, с чувством вины за то, что доставляет регистраторше беспокойство, оделась и спустилась вниз. За столиком сидел Давид и уже привычно смотрел в окно, как будто вся окружающая жизнь его совсем не интересовала.

– Здравствуйте, – Вика села за столик, – это вы меня ждали?

– Кто сказал? – искренне удивился Давид.

– Регистраторша. Она позвонила и сказала, что вы меня ждете.

Давид улыбнулся. Вика уже начала различать оттенки его

эмоций. Он умел улыбаться глазами и переживать скулами. А еще у него менялся цвет глаз. Когда они были на кладбище, у Давида глаза были серыми, а сейчас, за столом, казались зелеными. Или все дело было в освещении, удивительном свете, ярком, пронзительном, как софиты. Вика утром накрутила глаза так, как делала это всегда, и вдруг сама себе показалась блеклой, смытой. Свет требовал красок. Вика нарисовала стрелки и накрутила губы. И только тогда «проявилась», как негатив.

– Жена взяла билеты на концерт, – сказал Давид, – хотите пойти?

– Я так понимаю, выбора у меня нет? – улыбнулась Вика.

– Ну, жена сказала, чтобы я вас привез. Вам будет приятно. Это ведь лучше, чем сидеть в номере.

– Ваша жена – мудрая женщина. Скажите, а этого мужчину, Захарова, вы привезли? – вдруг спросила Вика.

– Да, – спокойно ответил Давид.

– Зачем он приехал?

Давид не ответил.

– Он очень нервничал, когда ехал. Я беспокоился. Мужчина пожилой, уважаемый. Я боялся, что с сердцем ему плохо будет, – сказал наконец он, поскольку Вика уперлась в него взглядом и ждала ответа.

– Он спросил, что мне нужно. И не поверил, что я приехала на могилу к деду. Мне он совсем не понравился. Неприятный человек.

– Не слушай, что тебе говорят. Себя слушай. Люди скажут – недорого возьмут. Разговоры – шум это все.

Вика кивнула.

– Мне кажется, они – бабуля, Захаров и даже эта Лариса с кладбища – много лет назад договорились никому ничего не рассказывать, – призналась Вика.

– Поехали на концерт. Наташа ждет. – Давид завел машину.

Концерт проходил в местном культурном центре – огромном здании из стекла, недавно отстроенном. По всем признакам – гордость города. Жена Давида ждала их на входе. Рядом с ней стоял молодой человек – красивый, высокий.

– Познакомьтесь, это мой сын, Вадим. – Наташа говорила с гордостью и смотрела на сына с такой любовью, восхищением и восторгом, как будто перед ней стоял бог, а не человек.

– Очень приятно, – сказала Вика.

– Ему уже шестнадцать, – шепнула ей Наташа.

– Очень красивый мальчик.

– Я знаю. Да. Очень красивый. И умный. Даже не верится, что у меня такой сын. Смотрю на него и сглазить боюсь. Хотя, говорят, мать не может сглазить, а я все равно боюсь.

Вика тоже ни за что бы не подумала, что у Наташи есть взрослый сын. С еще большим трудом она могла представить себе Давида в роли отца.

Вадим с отцом пошли вперед, оставив женщин погово-

ритель.

– Так я за него волнуюсь, – призналась Наташа, – он уже совсем большой, а для меня как маленький. Вон, у него уже борода растет, я все привыкнуть никак не могу. Как дотронуюсь, так вздрагиваю – где мои щечки нежные, где мой мальчик? А потом одергиваю себя и радуюсь – слава богу, что вырос такой. Мужчина уже. Он ведь родился совсем больным. Думали, не выживет, умрет или инвалидом станет. Врачи ничего сделать не могли. Говорили, ждать нужно. У нас тогда с Давидом совсем все расклеилось. Не было нам с ним жизни никакой, одно мучение. И тогда мы договорились, что, когда Вадик поправится или Бог его к себе заберет, мы разведемся. Все родственники знали об этом. Помогали нам, чем могли. Свекровь моя одна верила, что и с Вадиком все хорошо будет, и у нас с Давидом наладится. Она и за Вадиком, и за мной ходила, как будто мы оба болели, в больнице меня подменяла. Она и Вадика, и меня на ноги поставила. Без нее бы я не справилась, не выдержала. Она мне судьбу сделала. Очень сильная женщина. Я не такая. Мы с Давидом тогда почти не разговаривали. Молчали все время. Не было у нас разговоров, слов всяких. Рядом были, и все. Два года жили в аду. Не знаю, как я это выдержала. Но Вадик выздоровел. Чудо случилось. И когда горе отступило, когда Вадик стал говорить, бегать, мы не развелись. Тоже молча все. Давид вообще слов не любит. Так семьей и остались. Столько прожили за эти два года, что не забудешь. И жизнь другая не нуж-

на – лишь бы ребенок был здоров. Я ведь тогда всем богам молилась – просила забрать у меня все чувства, всю жизнь, лишь бы Вадик выздоровел. Так и получилось. Я от себя отказалась ради сына. И, знаешь, правильно сделала. Не хотела я ни другого мужа, ни другой жизни. Только пусть Вадик рядом, такой вот красавец. А Давид меня потом уже полюбил. Мне так кажется. Нежным стал, что ли. Даже не знаю, зачем я тебе все это рассказываю. Если тебе плохо, ты в монастырь в наш съезди. Там все мысли, все желания до Бога доходят быстро. Попроси, и все сбудется. Я там Вадика вымолила. И речка местная все горе уносит – вода там целебная. Руки помоешь, так вся сыпь пройдет сразу же. А если выпьешь стакан – так и кашель отступит. Я завтра Давиду скажу, он тебя отвезет. Ехать далеко, но надо. Постоишь там, все ненужное из головы уйдет, все пустое забудется. Надо туда съездить. И свечку поставь. Там мальчик работает, он читает за здравие. Такой хороший мальчик. Совсем молоденький монах. Но читает так, как никто. Вот прочтет, и все хорошо станет.

– Я не знаю, что просить, – призналась Вика, – не знаю, чего хочу.

– А ты с малого начни. Сначала. Вот, здоровья бабуле ты хочешь? Вот и попроси. Себе спокойствия хочешь? Так и скажи. Не важно, какими словами, главное, чтобы от души, от сердца.

– Я ведь не очень верующая.

– А это не важно. Кому какое дело? В тебе дело. Захочешь

– поверишь. Там же никто экзамен не сдает. Всех принимают. И красиво там очень. Такие места. Ты таких никогда не видела. Речка там такого цвета – серо-голубая. Как глаза у Давида.

– Я думала, что у Давида зеленые глаза, – улыбнулась Вика.

– Да, бывают и зеленые, – рассмеялась Наташа, – и у Вадика его глаза, все время цвет меняют. Ты не думай много головой, ты делай, как душа подсказывает. Вот чего душа просит, то и делай. А правильно, неправильно – тут судей нет. Если бы кто-то знал, как правильно, то и горя бы не было. Ладно, пойдем, сейчас концерт начнется.

Наташа потянула Вику за руку.

Они заняли места. Ведущий поприветствовал зал и объявил о начале грандиозного концерта.

Четверо рабочих вывезли на сцену большой концертный рояль.

– Нет-нет, наш дорогой и всеми любимый Эдуард Прихвятилов выступит чуть позже, – прошипел в микрофон ведущий, обращаясь скорее к рабочим сцены, чем к зрительному залу. Но рабочие стояли и намека не поняли.

– Сейчас выступит детский ансамбль «Аистенок»! – объявил ведущий. – Рояль увезите!

Рабочие повезли рояль за кулисы. Детки станцевали народный танец, и на сцену вновь вышел ведущий. Пока он

рассказывал про то, какой сегодня знаменательный концерт, рабочие опять вывезли рояль.

– Следующим номером нашей программы выступит певец Иван Лобанов, – поприветствуем его! – воскликнул ведущий. И опять обращаясь к рабочим: – Рояль увезите! Рано! – Ведущий дернулся всем телом, как будто хотел подпрыгнуть и сделать фуэте. При этом он продолжал радостно улыбаться. Рабочие вздохнули и потолкали рояль за кулисы. Зал дружно улыбался и проводил их бурными аплодисментами. Один из рабочих даже поклонился.

На сцену вышел певец Иван Лобанов и спел арию из оперы «Евгений Онегин». Спел плохо и был явно собой недоволен. Отклонялся скупно и быстро скрылся за кулисами. На сцене опять появился жизнерадостный ведущий и торжественно, перекрикивая самого себя, объявил:

– А вот сейчас выступит всеми любимым, знаменитым, талантливым человеком, которого вы все знаете, – Эдуард Прихватилов! Поприветствуем его аплодисментами!

Зал в едином порыве взорвался аплодисментами. Как поняла Вика, пианист был местным героем и главной звездой города. Эдуард Прихватилов солидно, как подобает знаменитости, вышел на сцену и долго кланялся. Он кланялся сначала середине зала, потом отошел вправо и поприветствовал правую сторону партера. Точно так же он приветствовал левую сторону. После этого он отдельно поприветствовал балкон и спустился в партер, чтобы пожать руки тем, кто сидел

в первом ряду.

Правда, он то и дело косился на сцену и, казалось, чего-то ждал. Собственно, ждал он того самого рояля. Видимо, ведущий забыл отключить микрофон, поэтому следующую тираду слышал весь зал:

– Куда ушли? Покурить? Быстро вернуть! У нас исполнитель на сцене! Вы хотите концерт сорвать? Когда ушли? Только что?

В зале снова заулыбались. Эдуард Прихватилов поднялся из партера на сцену, принял позу достойного ожидания и глубокомысленного сосредоточения.

– Он очень хорошо играет, – прошептала Наташа Вике, – его даже в Москву звали выступать, и за границу звали, но он здесь остался. Я его тетю знаю – в соседнем доме живет.

Наташа была очень горда столь близким знакомством со звездой.

Наконец злые рабочие даже не вкатили, а вытолкали рояль на сцену.

Эдуард кивнул им в знак благодарности и уселся за инструмент. По первым нотам Вика не смогла догадаться, произведение какого композитора он играет. Вдруг Эдуард сдернул руки и растерянно посмотрел куда-то себе под ноги. Правая педаль отвалилась и лежала рядом. Пианист встал, наклонился и с удивлением поднял педаль, как будто видел эту часть инструмента впервые в жизни.

На сцену влетел ведущий, который не шел, а пританцовывал.

вал, выделявая замысловатые па.

– Небольшая техническая неполадка? – попытался пошутить ведущий и дал «петуха».

Вслед за ним на сцену вышел сумрачный настройщик, который явно никуда не спешил. Он лег под рояль, поудобнее устроился, открыл рабочий чемоданчик и вернул педаль на место. Весь зал наблюдал за тем, как настройщик тяжело поднимается с пола, отряхивает пыль со штанин и кивает Эдуарду. Тот все это время стоял на сцене, стараясь не смотреть на инструмент, – как будто стеснялся. Настройщик ушел за кулисы, шаркая и тяжело вздыхая, ведущий вновь прокукарекал слова про «талантливого исполнителя» и улетел за кулисы. Эдуард снова сел за рояль. На сей раз педаль продержалась чуть дольше – минуты четыре. А потом опять отвалилась. Надо признать, что зрители уже не слушали музыку, они смотрели на ноги Эдуарда и только и ждали этого момента. Когда педаль с тихим стуком упала на пол, зрительный зал дружно охнул. Эдуард опять с удивлением посмотрел на свои ноги, как будто в поломке педали были виноваты его конечности. И опять встал из-за рояля и ушел в дальний угол.

Ведущий, видимо, тоже стоял за кулисами и только и ждал этого момента. И опять он вышел на сцену и начал просить зал не расходиться и потерпеть еще немного. Зал расходиться и не собирался – все с интересом следили за происходящим на сцене и всем хотелось узнать, чем кончится дело.

Уже из другой кулисы появился понурый настройщик, опять он долго укладывался под роялем, надевал очки, болтавшиеся на шнурке на груди, копался в чемоданчике с инструментами.

– Долго еще? – шепотом спросил ведущий, забыв выключить микрофон.

Настройщик театрально развел руками.

– Тогда мы вновь попросим выйти на сцену нашего любимого певца, знаменитого Ивана Лобанова. Просим! – ведущий воздел руки, призывая публику к аплодисментам. Зал послушно и искренне захлопал.

Но, по всей видимости, Иван Лобанов не был готов петь «на бис» и призывов ведущего и публики не услышал.

– Иван Лобанов! – почти истерично закричал в микрофон ведущий и своим окриком заставил вздрогнуть и настройщика, и несчастного пианиста, который уже не находил себе места на сцене, с тоской поглядывая за кулисы в поисках убежища.

– Сейчас, сейчас, уже идет. В буфете был. – На сцене появилась уборщица, которая обратилась к залу громко и очень душевно. И без микрофона ее было прекрасно слышно. Зал дружно и с пониманием заулыбался. Уборщица подошла к настройщику и очень по-женски, с интересом и уважением стала смотреть, как он работает. Потом опомнилась и начала стирать пыль с крышки рояля – чего уж без дела стоять?

– Ну как там? – спросила она с беспокойством у настройщика.

Голос у нее, видимо, от природы был сильным. Говорила она спокойно, без напряжения, и ее слышали даже зрители на балконе, до которого певцу Лобанову приходилось докрикиваться.

Настройщик в отчаянии махнул рукой и опять потянулся к чемоданчику с инструментами, вытаскивая то проволоку, то веревку, то гайку – брал, рассматривал и клал обратно.

– Ох-хо-хо, – покачала головой уборщица и пошла за кулисы. Но буквально через минуту снова вышла с маленьким складным стульчиком, какие очень любят дачники. Уборщица опять улыбнулась залу и поставила стул рядом с пианистом. Эдуард Прихвятилов, звезда местного масштаба, пианист, променявший столичную сцену на этот концертный зал, втиснулся в стульчик и замер, глядя куда-то в сторону и чуть вверх. Уборщица, решив, что больше от нее ничего не требуется, кивнула залу и ушла за кулисы. Зрители проводили ее аплодисментами, которые случились очень вовремя – на сцену наконец вышел певец Лобанов. Судя по виду, ему было и хорошо и плохо одновременно. Хорошо, поскольку глаза у певца сияли, с лица ушла озабоченность, уступив место отваге и куражу. Плохо, поскольку стоял на ногах Лобанов шатко и его слегка заносило вправо. Сделав полукруг по сцене, едва не сбив сидевшего на маленьком раскладном стульчике Эдуарда, Лобанов не без труда вырулил на сере-

дину сцены. Поклонился залу и встал в позу. Но музыки не дождался.

– Так пой, без музыки, – посоветовал ему настройщик, выглянув из-под рояля.

Лобанов виновато улыбнулся, не понимая, чего от него ждут. Эдуард Прихвятилов смотрел на коллегу не без сочувствия.

– А что петь? – спросил почему-то у настройщика несчастный Лобанов.

– Что-нибудь душевное, – ответил настройщик.

– А я Магомаева очень люблю и Пахмутову, – сказала уборщица, которая появилась на сцене со стаканом в руке. Она принесла настройщику попить. Тот выполз из-под рояля, вытер рукой пот со лба и жадно сделал несколько глотков.

– Луч солнца золотого тьмы скрыла пелена... – запел певец.

Потом он пел уже вместе с залом. И Пахмутову, и Магомаева, и песни из советских кинофильмов, и даже «В лесу родилась елочка», пусть не по сезону, зато от всей души. Лобанов, почувствовав себя в голосе, пел с удовольствием. Зал был очень доволен, дружно подпевал. Зрители с мест заказывали следующую песню. Его принимали так, как никогда. Лобанов чувствовал, что это лучшее выступление в его жизни, и не хотел уходить со сцены, наслаждаясь неожиданным триумфом. Он был готов петь еще и еще, желая продлить ощущение творческого блаженства и профессиональ-

ного счастья. В его голове уже выстроилась целая концертная программа из любимых песен, которые он никогда не отважился бы спеть с большой сцены. Как о многом он хотел спеть для этой благодарной публики, которая все чувствовала и все понимала! Лобанов уже было отважился на арию мистера Икса, а потом еще про «красоток кабаре», да еще и сплясать канкан на сцене – да, он мог! Когда-то в молодости это был его коронный номер. Пусть ради шутки, забавы, в компании друзей, но ведь мог же! И девушкам его номер очень нравился – они всегда хохотали и становились чуть более благосклонными. А Лобанов чувствовал, нет, просто знал, что публику надо смешить, развлекать. И была бы у него такая слава, что Прихватилову и не снилась. О чем еще мог подумать певец Иван Лобанов, до каких еще смелых выводов прийти, если бы его полет не прервал настройщик, оставалось только догадываться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.